

7. Палиевский П. В. Внутренняя структура образа // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Образ, метод, характер: в 3 т. Т. 2. М.: Наука, 1987.
8. Ремизов А. Взвихренная Русь. М.: Сов. писатель, 1991.
9. Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: Языки русской культуры, 2004.
10. Чумаков Ю. Н. В сторону лирического сюжета. М.: Языки славянской культуры, 2010.
11. Штерн М. С. В поисках утраченной гармонии (проза И. А. Бунина 1930–1940-х гг.). Омск: Изд-во ОмГПУ, 1997.

*Н. А. Власова (г. Воронеж)
ВУНЦ «Военно-воздушная академия
им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»*

Сакральное и политическое в повести А. Платонова «Сокровенный человек»

В статье анализируется взаимодействие религиозной символики и политической метафоры в повести А. Платонова «Сокровенный человек». Столкновение библейского контекста с революционным, генерирующее новый смысл, – определяющая черта произведения. Несоответствие политического сакральному воспринимается как трагедия.

Ключевые слова: А. Платонов, «Сокровенный человек», религиозный символ, революция

Религиозная символика, присутствующая в произведениях А. Платонова, зачастую провоцирует исследователей интерпретировать их в «серьезном» ключе, привлекая цитаты из Библии и богословских сочинений в качестве аллегорической иллюстрации авторской мысли. В таком случае оказывается, что писатель утверждал своими сочинениями определенную, предзаданную тексту систему идей. Мы же полагаем, что событием в художественном мире А. Платонова стало именно несоответствие политического сакральному. Думаем, для писателя сакральное было существенно не само по себе, а именно в его сцеплении с политическим, дававшим возможность перехода, причем не умозрительного, а вполне реального, из хаоса в логос. Сомнение в такой возможности оборачивается трагедией.

Столкновение библейского контекста с революционным, генерирующее новый, «апокрифический» и для первого, и для второго контекста смысл, – определяющая черта повести «Сокровенный человек». Попытка сакрализовать события 1917–1920-х гг. связана с искренним желанием Пухова найти в революции спасение от гибельности мира. В водоворот гражданской войны Фому Егоровича затягивает личное горе: у него умирает жена. «Дать бы моей старухе капитальный ремонт – жива бы была, но средств нету и харчи плохие! – сказал себе Пухов...» [3, с. 101]. Попытка борьбы со

смертью определяет весь путь Пухова в повести, она же приводит его в Крым, на борт десантного судна.

Пасхальная символика в описании крымского десанта очевидна. Происходящее воспринимается красноармейцами и поначалу Пуховым как жертвенная смерть, необходимая, чтобы состоялось возрождение. Ср.: «Ночь была непроглядна, как *могильная* глубина...» [3, с. 122]. В первой части анализируемого эпизода, в описании посадки на десантные суда, акцент сделан именно на второй составляющей, возрождении: итог сцене подводит пуховское ощущение «неизвестного и опасного чуда» [3, с. 124], которое в детстве Фома Егорович испытывал во время пасхальной заутрени.

Однако в описании самого десанта уже доминирует смерть, причем не жертвенная, а грубо-телесная. Десант, как известно, завершается гибелью одного из судов, «Марса». Близость смерти заставляет красноармейцев забыть о высокой миссии, к которой они себя готовили: «Казнь наступающей смерти терзала их еще больше от близости “Шани”. Люди на “Марсе” рвали на себе последнюю казенную одежду и рычали по-звериному, показывая даже кулаки. Они вопили сильнее бури, а один толстый красноармеец сидел верхом на рее и ел хлеб, чтобы зря не пропадал паек» [3, с. 128]. То есть смерть и здесь одержала победу, на этот раз над своими предполагаемыми победителями. Необходимо отметить, тем не менее, что и сцена гибели «Марса» оставляет Пухову, а вместе с ним и читателю, смутную надежду на то, что желаемое достижимо: «Еще послышалась с “Марса” гармоника – кто-то там наигрывал перед смертью, *пугая все законы человеческого естества*.

Пухов это как раз явственно услышал и *чему-то* обрадовался в такой неурочный час» [3, с. 129; курсив наш. – Н. В.].

Отметим, что ситуация, когда герои «обманываются», считая пасхальным событием, которое им на самом деле не является (то есть Пасха оказывается «неполной», без последующего возрождения), типична для платоновских произведений. В частности, такой «неполной» Пасхой является смерть ребенка в Чевенгуре и неудачная попытка Чепурного воскресить умершего; «строительство» котлована в одноименной повести; мессианство Чагатаева и т. д. Эту ситуацию следует понимать как безусловно *трагическую*, поскольку изначально присущее символу единство смерти и воскресения, с акцентом на второй составляющей, оказывается разрушенным.

Несостоятельность мессианской попытки крымского десанта подчеркивается пуховскими «небылицами», которые Фома Егорович рассказывает по возвращении в Похаринск [3, с. 152]. Противоречие между тем, что читателю известно о десанте, и тем, что рассказывает своим слушателям Пухов, заставляет еще раз вернуться к проблеме символизации политического и стимулирует размышления о ее механизмах. Строго говоря, в «рассказе» Пухова Зворычному нет ни слова правды, если понимать под правдой точное соответствие тому, что можно условно назвать «действительностью». Однако нельзя не признать, что пуховская «версия» десанта правдива психологически. Ее геройский задор, благополучный исход, легкость, с которой герои

преодолевают препятствия, отвечают ожиданиям слушателя, господствующей идеологии и задачам «текущего момента».

В повести «Сокровенный человек» именно Фома Егорович является тем персонажем, который может принадлежать одновременно двум мирам: миру официальной идеологии, создающему иллюзию гармонии, и миру повседневности, лишенному высокого смысла и игнорируемому официальной идеологией. Пухов сталкивает их между собой. Если первый мир проявляет себя в сакрализации сферы политического, то второй – в ее десакрализации. Использование религиозной символики обнаруживается на разных уровнях поэтики произведения. В частности, в связи с особой идеологической ролью Пухова совершенно неслучайным представляется выбор имени героя.

В известной работе Е. Толстой [4] специальный раздел посвящен семантической структуре имени собственного в произведениях А. Платонова. «Через имя собственное осуществляется самая эффективная связь низших уровней текста с высшими: в отличие от прочего словесного материала, получающего смысл лишь в комбинациях, внутри отдельного имени, даже вырванного из контекста, могут заключаться смыслы, релевантные для высших уровней – например, сюжетного, идеологического, а также связанные с метауровнями», – пишет исследователь [4, с. 258]. Имя собственное может представлять собой мельчающую единицу сюжетного уровня, то есть содержать сюжет произведения в максимально концентрированном виде. Имя «Фома» недвусмысленно отсылает к библейскому контексту, к «Фоме неверующему». Думаем, не будет лишним упомянуть здесь и апокрифическое Евангелие от Фомы – узнаваемые и, очевидно, прочитывавшиеся современниками А. Платонова аллюзии. С другой стороны, по замечанию Е. Толстой в той же работе, писатель стремился к максимальному расподоблению всякой цитации чужого материала [4, с. 252], в том числе и библейского. А. Платонов по-своему использует сюжетный потенциал имени, взятого из легко восстанавливаемого контекста. Вокруг имени Фома в повести «Сокровенный человек» организован уникальный, основанный на евангельском, но ему не подобный, собственно платоновский сюжет. Можем сказать, что платоновский Фома, один из «почти настоящих авторов произведения» [3, с. 100], создает о революции свое, отличное от канонического, иначе не скажешь, «евангелие от Фомы».

Имя «Фома» иконически обозначает роль в повести персонажа, стыдящегося глупостей революции, но искренне ей сочувствующего, сомневающегося в ее вождах, в общем, «неверующего». Подобно апостолу, желающему получить доказательства воскресения Иисуса, Фома Пухов, не доверяя риторике, предпочитает составить обо всем собственное мнение. Недаром он «очевидец». В самом имени «Фома», переданному герою-участнику революционных событий, заложен семантический конфликт, ведь «неверие» Фомы имеет отношение не к христианству, а к коммунизму, последовательно себя религии противопоставлявшему.

«Неверие» Фомы в революцию проявляется как раз в том, что в своих «геройских рассказах» он анекдотически заостряет религиозное начало в революции. Так, в письме к Шарикову Пухов сообщает, что на Базарной площа-

ди Похаринска построили Коммунистический собор, что, разумеется, выдумка, но психологически достоверная. Такой же психологически достоверной выдумкой является и рассказ о геройском десанте. В этом не подходящем к описанию событий Гражданской войны и особенно одного из важнейших ее эпизодов – штурма Перекопа – анекдотическом тоне, и проявляется «неверие». Ср., в статье с красноречивым названием «Ошибки мастера» критик М. Майзель пишет: «Так даже в “мелочах” изображать гражданскую войну – значит не понять ее основных движущих сил, не увидеть настоящего “героя” тех лет» [1, с. 198]. Однако «неверие» не означает зубоскальства. Оно связано с сомнением в «готовом слове» (М. Бахтин), а сомнение – начало познания.

У пуховского «неверия» есть и другая сторона, а именно – страстное желание поверить. Именно с ним связано участие Фомы Егорыча в революционных событиях. Религиозный контекст выступает в повести не только как средство анекдотического снижения, но и как знак утраченной гармонии душевной жизни. «...В религию люди сердце помещать привыкли, а в революции такого места еще не нашли» [3, с. 138], – эти размышления Пухова близки автору. Ср., в статье «О любви» А. Платонов пишет: «Над народом не надо смеяться, даже когда он по-язычески верит в свою богородицу» [2, с. 173].

Примечания

1. Майзель М. Ошибки мастера // Звезда. 1930. № 4. С. 195–202.
2. Платонов А. П. О любви // Возвращение / предисл. С. Зальгина; коммент. Н. Корниенко. М.: Мол. гвардия, 1989. С. 172–175.
3. Платонов А. П. Сокровенный человек // Взыскание погибших: Повести. Рассказы. Пьеса. Статьи. М.: Школа-Пресс, 1995. С. 100–169.
4. Толстая Е. Д. Мир после конца: Работы о русской литературе XX века. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. 511 с.

*Ю. А. Старицына, Р. Х. Каримова (г. Стерлитамак)
Бакирский государственный университет, Стерлитамакский филиал*

Тема смерти в рассказах Жана-Поля Сартра «Стена» и Л. Н. Андреева «Рассказ о семи повешенных»

В статье рассматривается тема смерти в рассказах Ж.-П. Сартра и Л. А. Андреева. Проблема представлена с точки зрения ее понимания героями рассказов, испытывающих душевные муки и страдания в преддверии небытия.

Ключевые слова: жизнь, смерть, символ, стена, состояние, душа, Бог

Вопросы жизни и смерти, состояния человека на пороге небытия занимали многих русских и зарубежных писателей, таких как А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Андреев.